

К 100-летию со дня смерти В. Г. Белинского

Белинский и Пензенский крепостной театр

В книге Т. Лыниной «Крепостной театр» («Академия», 1933 г.), приводятся интересные данные о количестве крепостных театров по различным губерниям, относящиеся к началу XIX века. Пензенская губерния, по этим данным, идет непосредственно после Московской и Петербургской губерний, занимая третье место, а из провинциальных губерний — первое. В Пензенской губернии в это время было 8 крепостных театров, из них три — в городе Пензе. Крупнейшим из них был театр Гладкова, дававший спектакли в течение 23 лет подряд, с 1806 до 1829 года. Два другие театра просуществовали недолго. Актерами и актрисами театра Гладкова были его крепостные.

Советское искусствоведение проявляет исключительный интерес к «крепостному театру» — актерам, композиторам, поэтам. Этот интерес вызван не только драматизмом их жизненной судьбы, но и той ролью, которую они сыграли в развитии русского искусства, так как давно уже назрела потребность в специальном изучении его истоков.

В области сценического искусства роль актеров из крепостных имеет исключительное значение. Талантливый русский народ выдвинул из своей среды множество замечательных актеров, сыгравших видную роль в развитии сценического искусства. Достаточно назвать имя великого Печкина.

Владельцы крепостного театра Гладковы (отец и сын) отличались крайней жестокостью в обращении со своими крепостными. В 1828 году (В. Г. Белинский в это время находился в Пензе) группа дворовых, покушалась на жизнь своего барина, но неудачно. Покупавшиеся были наказаны плетью и сосланы в Сибирь. Следствие вскрыло невероятные факты насилия и зверства со стороны помещика.

Крепостным актерам и актрисам приходилось постоянно испытывать на себе властную руку деспота. Во время представления Гладков, как сообщают мемуаристы, нисколько не стеснялся присутствием публики, «изрыгал громы на какого-нибудь «царя» или «героя», в лице известного крепостного Григория, называя его дураком или скотиной, а то, внезапно сорвавшись со своего места, грозно летел на сцену, чтобы чинить немедленную расправу с провинившимся актером или актрисой посредством пощечин и зуботычин».

П. А. Вяземский (один из поэтов «Пушкинской плеяды», автор язвительной сатиры на патриархальный быт «Русский бог», которой заинтересовался К. Маркс), бывший проездом в Пензе и посетивший театр Гладкова в 1827 году, жалуется о том, что «пьяный помещик имеет право терзать своих подданных за то, что они душно играли или не понравились помещику».

До нас не дошло списка актеров театра Гладкова. В свое время у посетителей театра они были известны под именами Данилки, Мишки, Машки, Сашки, Кати и т. д.

Белинский-гимназист не мог быть равнодушным зрителем издевательств помещика над своими крепостными актерами. Впоследствии, незадолго до смерти, В. Г. Белинский в «Письме к Гоголю» с негодованием будет говорить о том, что Россия «представляет собою ужасное зрелище страны... где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Васьками, Степками, Падашками».

Несмотря на тяжелое положение актеров и актрис театра Гладкова, труппа в целом веда спектакли на достаточно высоком художественном уровне. Образованный и тонкий ценитель театра, П. А. Вяземский дал очень благосклонный отзыв о виденном им спектакле: «Вообще мало карикатурного и, должно сказать правду, на Московском театре, в сравнении столпы с Пензою и прозванием императорским и гладковским, более нелепого, чем здесь».

Некоторые же актеры несомненно были по-настоящему талантливыми исполнителями. Таким был актер Григорий Сулейманов, который, судя по воспоминаниям В. А. Инсарского («Половодье»). Картины провинциальной жизни, СПб, 1875 г.), пользовался большим успехом, многие находили его талантливым. П. А. Вяземский отметил в своих воспоминаниях актрису Сашу, как лучшую певицу в труппе Гладкова. Он нашел ее «недурной собою и немощной, а может быть, и ничем не хуже наших императорских».

Автор «Записки о Пензенском театре» («Репертуар и Пантеон», 1846, № 3) утверждает, что впоследствии из театра Гладкова вышло несколько таких арти-

стов, «живая и художественная игра которых сделала бы честь сцене и не Пензенского театра». В. А. Инсарский, давая общую характеристику театру, называет его «оригинальным» и «замечательным».

Здание крепостного театра находилось в центре города, на огромной усадьбе Гладкова (рядом с Домом пионеров на улице Кирова).

В театре были партер, четырехместные и шестиместные ложи и, так называемый, раек, т. е. галерка.

В. А. Инсарский в своих воспоминаниях рассказывает о том, как он в ранней молодости познакомился с райком. «Кондрагаров, один из актеров театра Гладкова, был первым виновником моего знакомства с райком Гладковского театра», — вспоминает Инсарский. — Приходи в театр и жди меня у кассы, я тебя провожу, — скажет бывало Кондрагаров, — и вот заберешься спозаранку в театр и ждешь с волнением радостной минуты. Вдруг среди толпы, осаждающей кассу, появляется Кондрагаров, уже застывшим, напуганным, как чуждо, напуганным и напуганным, возьмет меня за руку и поведет в самый верх, казавшийся мне тогда действительно райком».

Посетителями райка, была самая демократическая часть зрителей. Не подлежит сомнению, что «толпа, осаждавшая кассу», состояла из посетителей райка. Около кассы толпился, главным образом, учащаяся молодежь — семинаристы и гимназисты, — жаждавшие проникнуть на спектакль.

В этой толпе находился и гимназист Белинский, страсть которого к театру проявилась впервые в Пензе под непосредственным воздействием игры крепостных актеров, даровитых выходцев из народа.

О страстной привязанности гимназиста Белинского к театру сообщают в своих воспоминаниях Иванисов «Воспоминание о Белинском» (Московские ведомости, 1861 г., № 135), товарищ Белинского по гимназии, и Д. П. Иванов «Сообщения Д. П. Иванова при чтении биографии В. Г. Белинского» (Белинский Письма т. III, СПб, 1914 г.), также прошедший детские годы в Чембаре и учившийся в Пензенской гимназии. В Пензе Д. П. Иванов жил вместе с Белинским, ездил вместе с ним на каникулы в Чембар. Воспоминания Д. П. Иванова очень ценны своей видимой достоверностью и теплотой отношений к Белинскому.

Рассказывая о домашней жизни Белинского в Пензе, вне гимназии, Иванов сообщает, что он жил с Белинским на одном дворе с группой семинаристов. Вот что он пишет об этом периоде жизни:

«По приезде моем в Пензу и соединении с ним и семинаристами мы квартировали и очень долго в Верхней Пешей улице, довольно видной и чистой, застроенной порядочными домами и выходящей на Соборную площадь, самую лучшую часть города. Хозяином нашим был помещик, Яков Аврамович Петров, пожилой вдовец. У него был большой деревянный с мезонином дом, обращенный фасадом на улицу и занятый тогда сыном его, учителем рисования в гимназии, Иваном Яковлевичем Петровым; справа от этого дома на особом небольшом дворе, оканчивавшемся маленьким фруктовым садом, построены были три флигеля, из которых в одном, состоявшем из двух с кухней комнат, помещался сам хозяин с кухаркою; в другом, в одну большую комнату, жили семинаристы в числе четырех или пяти человек и, наконец, часть третьего флигеля, состоявшую из одной довольно просторной комнаты, занимали Белинский и я; другая половина этого флигеля занята была кухней и людскою учителя Петрова».

Судя по описанию Иванова, эта группа учащейся молодежи составляла очень своеобразный «кружок», где решительно преобладали литературные интересы. Членами этого «кружка» были автор воспоминаний Д. П. Иванов, два чембарца А. С. Голубинский и М. С. Меридианов, учившиеся в Пензенской семинарии «в классе риторики или философии», братья Соколовы Василий и Николай Гавриловичи, уроженцы Саратовской губернии, тоже семинаристы, и К. И. Воздвиженский, чиновник удельной конторы.

Д. П. Иванов признает, что все они были люди трезвые, трудолюбивые. «Никогда не было у них шумных вакханалий, тех неистовых оргий, которые нередко происходили в кругу взрослой молодежи, живущей на свободе». Далее Иванов говорит: «Не малую пользу приносили Белинскому оживленные споры и беседы семинаристов о предметах, касавшихся философии, богословия, общественной и частной жизни; при этих спорах Белинский не был пассивным

слушателем, а принимал в них самое деятельное участие. От таких прений возрастала и развивалась та неотразимая диалектическая сила, которую всегда отличался Белинский и против которой действительно трудно было устоять».

Иванов сообщает интересные сведения о дальнейшей судьбе некоторых друзей Белинского — Голубинского и Меридианова, которые считались «отличнейшими учениками в семинарии по учению и поведению, оба, по окончании курса в семинарии, вступили казеннокоштным студентами в Казанский университет и вышли из него лекарями первого разряда на обязательную службу в армию».

Голубинский и Меридианов, выходя из среды духовенства, свернувшие с жизненного пути своих отцов и, вероятно, дедов, выносили во время учебы в Пензенской семинарии мысль об иной дороге в жизни. Их интересы, понятно, были шире круга интересов обычных семинаристов, у которых проблема «отцов и детей» не возникала.

Иванов признает, что центром «кружка» был юноша Белинский. «Сколько помню, — пишет он, — семинаристы, жившие с нами, считали себя в литературных познаниях ниже Белинского и настолько доверяли его вкусу, что нередко просили его выслушать школьные произведения пера своего. Белинский, бывало, читал им вслух статьи из добрых или журналов, сообщал свои мнения и воззрения, делился впечатлениями; особенными соучастниками этих чтений были Голубинский и Николай Соколов, очень даровитые люди».

Но наибольший интерес, судя по сообщению автора воспоминаний, возбуждал театр. Иванов сообщает, что Белинский «страстно любил театральные зрелища и часто посещал Пензенский театр, который содержал тогда помещик Гладков».

Для театра Белинский берег каждую сэкономленную копейку. «Когда у Белинского не хватало собственных денег для театра, — говорит Иванов, — он прибегал к займам, которые всегда уплачивались при получении из дома денег».

Какое место в жизни юноши Белинского занимал театр, видно из следующего сообщения Иванова: «Мы четыре раза в году приезжали в Чембар для свидания с родными: на Рождество, Масленицу, Пасху и летнюю вакацию; за нами присылали нарочных лошадей с покойным экипажем и надежных проводников из дома моих родителей; очень редко случалось отправляться домой с так называемой okazji. Впрочем, на масленицу Виссарион оставался большей частью в Пензе, не желая затруднять себя и родных кратковременной поездкой и надеясь провести сырную неделю спокойнее в уединенной квартире за книгой и побывать лишней раз в театре».

Отказ от заманчивой перспективы поездки в «покойном экипаже» домой на масленицу ради того, чтобы побывать «лишний раз в театре» свидетельствует об исключительном интересе к спектаклям крепостной труппы Гладкова.

Об истинной страсти юного Белинского к театру говорит и тот факт, что будущий критик тратил на него даже те деньги, которые были необходимы ему для починки своей одежды.

Иванов утверждает, что Белинскому нравилась «искусная постановка» пьес Сумарокова «Дмитрий Самозванец», «увлекательное исполнение роли Лжедмитрия» талантливым актером Григорием Сулеймановым. Иванисов сообщает, что «Белинский спорил с семинаристами о достоинстве произведений Сумарокова и Хераскова». Нам неизвестно содержание этих споров, но о них можно догадываться. Профессор Благов (История русск. литер. XVIII века, 1946 г.) характеризует трагедию «Дмитрий Самозванец», как «первую у нас политическую комедию», где тема «тиранства взята в общеполитическом плане», где речь идет о существовании царской власти и проводится идея о том, что «в монархии важны именно добрые дела, а не царская «порода», что царь не имеет права «посягать на естественное право-свободу и имущество своих подданных». В трагедии Сумарокова был выражен и мотив патриотизма в осуждении Дмитрия, изменника родины, выдавшего Россию и русский народ польским панам и римскому папе.

На сцене Пензенского театра Белинский-гимназист видел трагедии Озерова «Эдип в Афинах» и «Дмитрий Донской», образ которого явится центральной фигурой классической трагедии в первую треть XIX века. Темы трагедий Озерова разрабатывал так, что зрители видели в них и современный интерес. В эпоху борьбы с Наполеоном патристические мотивы «Дмитрия Донского» оказались особенно близки публике.

Следует предположить, что «споры» Белинского с семинаристами касались не только чисто литературных достоинств, виденных на сцене трагедий, но выходили за их пределы. Несомненно, что Белинский, ценявший, прежде всего, идею произведения писателя, спорил и по поводу политических проблем, выдвинутых драматургами.

Свое увлечение театром Белинский и его друзья переносили из Пензы в Чембар во время рождественских и летних каникул. «Нередко, — говорит Иванов, — во время святок и летней вакации устраивались в нашем доме спектакли. Однажды на рождестве разыграли мы оперу Аблесимова: «Мельник, колдун, обманщик, сват». Хорошо помню, что роль мельника исполнял семинарист Михаил Семенович Меридианов, роль молодого крестьянина Анкудина — другой семинарист Аркадий Степанович Голубинский, роль Анюты, невесты этого крестьянина, играл я, как самый младший из актеров; на долю Белинского выпала роль отца Анюты, но кто играл жеху его, уроженную дворянку, я совершенно не помню; арии свои Виссарион перекавал неисканным рецитативом, потому что к музыке и пению был совершенно неспособен. На вакацию 27-го или 28-го года мы давали на домашнем театре своем серьезную пьесу: драму Шекспира «Отелло», но в переводе с французской искаженной переделки этого творения великого английского драматурга, состроенной Дюси. Здесь искажены не только многие подробности, монолога, но и самые имена действующих лиц без всякой нужды заменены другими: вместо Дездемоны является Эдельмона, вместо злодея Яго — Пезарро, вместо глупой жены его Амалии, выставлена какая-то палеркица Дездемона — Эмилиа. В этом спектакле роль Яго исполнял В. Г. Белинский».

Выбор драматических произведений — знаменитой оперы Аблесимова и трагедии Шекспира — указывает на то, что театральные вкусы организаторов домашнего театра были выше обычного уровня «любителей», что они организаторы, они же актеры, не склонны были дать забавное зрелище, потешить его. На всей этой «забаве» лежит печать серьезности. Иванов дальше сообщает, что «роли были разучены превосходно» и что городская публика пришла «в восторг». Наибольший успех выпал на долю Голубинского, Меридианова и Белинского, который «с большим старанием приготовлялся к спектаклю: просил других выслушать его монолога, сходил с Голубинским для повторения своих с ним сцен; сопровождая речь свою приятными телодвижениями; он становился перед большим зеркалом и вообще исполнял роль свою с большим воодушевлением».

Белинский не позволял ни себе, ни другим отнестись к этому спектаклю безответственно.

Итак, «большое одушевление», с которым относился Белинский к театральному зрелищу, увлечение им, перешедшее по словам его биографов, в страсть, зародилось в Пензе под воздействием игры крепостных актеров.

Нельзя поэтому признать случайным то обстоятельство, что первым произведением Белинского явилось драматическое произведение «Дмитрий Балинин».

Сам Белинский в предисловии к своей юношеской драме несколько раз подчеркивает, что его произведение есть «первое, несвязное лепетание младенца; это есть первое, незрелое произведение пера неопытного, несмелого... «первый опыт молодого студента». Белинский выбрал, таким образом, для своего первого выступления драматический жанр, что следует признать явлением вполне закономерным. Выбор именно этого жанра обусловлен впечатлениями, вынесенными из Пензенского театра. Игра крепостных актеров зародила в Белинском горячее увлечение сценическим искусством, которое он пронес через всю свою жизнь. Спустя всего пять — шесть лет после того, как Белинский-гимназист сидел в зрительном зале Пензенского театра, он в своем первом литературно-критическом выступлении — «Литературные мечтания» — посвятил вдохновенные строки театру:

«Театр!... Любите ли вы театр так, как я люблю его, т. е. всеми силами души вашей, со всем энтузиазмом, со всем истощением, к которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлений изыскного? Или, лучше сказать, можете ли вы не любить театра больше всего на свете, кроме блага и истины?»

М. МОЛЕБНОВ,

доцент факультета русского языка и литературы Пензенского педагогического института.